

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

В контексте осмысления текущего геополитического «размежевания» юридическая наука оказалась в тени своих «соратников» по социально-гуманитарному цеху. Среди модераторов дискуссии о сути происходящего безоговорочным приоритетом пользуются политологи. Экспертную онлайн- и офлайн-трибуну делят с ними социологи, экономисты, международники, реже — философы и культурологи. Процент же агонистического участия ученых-юристов представляется минимальным, что не только не беспокоит аудиторию, но — приходится предполагать — воспринимается самими правоведами как «заслуженное».

В самом деле, что могут добавить профессионалы, еще вчера утверждавшие достоверность верховенства права и транснациональную императивность его общепризнанных принципов и норм, в многоголосицу мнений о «влекущем нас роке событий»? Прибегнут ли они к апробированной дидактике или, например, сошлются на пагубную кривизну исторической флуктуации, расслоившей мира социального и юридического, права и факта, — такие риторика и «схоластика» будут несвоевременными. Акцент на научное допущение о праве суверена («конституционного законодателя») восстановить статус-кво, когда правопорядок распадается на два элемента — право и собственно порядок¹, несостоятелен ввиду реактивной дискредитации и права, и суверена фактом пришествия «новой нормальности». Востребованными останутся суждения о центрах силы и генерируемых ими «общеобязательных» правилах; об иерархиях интересов и блоковой стратегии тактических компромиссов; о дихотомии суверенного/вассального самоопределения наций в зависимости от наличия ресурсов (природных и военно-технических).

Чем же тогда — на фоне примата политической целесообразности и экономического прагматизма — довольствоваться юридической науке?

¹ См.: Шмитт К. Политическая телеология. М., 2000. С. 16–18.

«Благоразумно» согласиться с очередной экспликацией позитивистского принципа: «тень, знай свое место»? Принципа незамысловатого, но сохраняющего возможность участия в формальной юридизации мер социальной консолидации, оперативно внедряемых вопреки канонам юридической техники, а равно и аналитической обработки «непредугаданных» нормативных конструкций мобилизационного законодательства. Или, например, адаптируя свои прескриптивно-догматические пристрастия, пожертвовать — ради «неоспоримой триумфальной победы экономического и политического либерализма»¹ — категорией ценности, исключив ее из теоретико-правового дискурса по причине функциональной «неюридичности»²? И продолжать говорить о ценности стабильности в праве безотносительно к сущности последнего³.

Обозначенные направления реакции на происходящее видятся нам неприемлемыми и не сообразными с претензиями на научность. В частности, потому, что проекция методологии «дисквалификации» (отмены) на юридические ценности ведет к гипертрофии юридически значимых интересов, в избирательном восприятии которых объективно-сущностная составляющая права может «благополучно» потеряться, поскольку именно подобная операция намечает переход от принципа верховенства права к постмодернистской технологии подчинения правилам⁴. Впрочем, здесь нами не ставится задача диагностики перерастания онтологического кризиса права⁵ в его фактическую деактуализацию. Мы хотим обозначить тот вектор юридизации ответа на текущие вызовы, который определяет надежда на сохранение национальных правовых систем в «расплывчатой» перспективе грядущего миропорядка. Точнее, нас интересует Россия: ее способность преодолеть глобальные вызовы,

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135–136.

² См.: Варламова Н. В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 27–28.

³ См.: Милинчук Д. С. Стабильность правовых явлений в контексте правовых ценностей: понятие, признаки, способы достижения // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 15–19.

⁴ См.: Крусс В. И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 11. С. 19–35.

⁵ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М — Норма, 1998. С. 48 и др.

кардинально меняясь, но продолжая утверждать достоверность идеала верховенства права как актуально-конституционного целеполагания должного. Методологическую основу для прояснения искомого вектора может предложить теория конституционализации права¹, развиваемая под знаком целеполагания национальной конституционной идентичности.

Концепт конституционализации права и правовых систем предполагает генетически уникальную целостность и, соответственно, идентичность последних. К сожалению, его научная популяризация сопровождалась появлением версий транснациональной и международной конституционализации². Столь же парадоксально проявляется и реакция на подобные допущения. Конституционализацию отождествляют с «экспансией» конвенционного (наднационального) права в правовые системы стран Евросоюза, отрекшихся от суверенитета, и «справедливо» характеризуют как угрозу для национальной конституционной идентичности³. России, как известно, подобная «унифицирующая стерилизация» уже не грозит. Причем именно благодаря конституционализации правового механизма разрешения фундаментальных коллизий⁴. Однако дело даже не в этом.

Ущербной видится сама гипотеза комплементарной антонимии конституционной идентичности и конституционализации, соотносящихся как цель и средство. Причем одновременно синтетическое двуединство названных категорий утверждается — сквозь призму текста национальной Конституции — как воплощение сущего и должного. Воплощение уникальное и исчерпывающее, определяющее один из модусов конституционного правопонимания; позволяющее высказываться о *легитимном* сценарии модернизации, *исключая* «многоуровневый конституционализм», «наднациональный уровень публичной власти и правового регулирования» на

¹ См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.

² См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции : монография / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. С. 16–17, 28–29 и др.

³ См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2021. С. 86–96.

⁴ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. 2-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 44–48 и др.

основе «размытого понятия конституционности», отказ от признания национальной Конституции «единственным эталоном» такого понятия¹.

Конституционная идентичность, разумеется, должна пониматься и как актуально сущая ценность свободно (суверенно) самоопределяющегося в политическом и правовом контексте народа. Не обладая такой ценностью, он не мог бы знать и «видеть» ее как цель, дискурсивно конкретизируя задачи сбережения и «культивирования». Коллективная народная личность не могла бы быть заинтересована в таком целеполагании, а значит, и творить свою историю («жить»), оставаясь (пребывая) в свойственной смерти статической исчерпанности. Будучи онтологически укорененной в тексте «живой» конституции, национальная идентичность «знает» себя, «помнит» себя и императивно предполагает свое развитие, продолжение. В этом смысле ее можно полагать и доктриной: открыто адогматичной, «настроенной» на верификацию сопутствующих спекулятивных гипотез и учитывающей полифонию народных (демократических) ожиданий и потребностей.

Общественно-политическая модернизация в целеполагании конституционной идентичности «своевременна» еще и потому, что конституционализация противостоит тренду глобализации. Данное утверждение требует разъяснения, поскольку даже видные конституционалисты признавали до последнего времени юридическую модальность глобализации. Противостояние, о котором мы говорим, не носит имманентно-конфронтационного характера. Оно потенциально воплощает все ту же дихотомию коллизионного единства и оппозиции сущего и должного в конституционных элементах и смыслах. И как таковое актуализируется в «предсказанном» конституционной доктриной глобальном конфликте. Наглядным предвидением могут быть названы, например, суждения о сложных взаимосвязях между конституционными ценностями прав и свобод человека, с одной стороны, и безопасности — с другой; о «глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами

¹ См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика... С. 48–50, 66–67.

международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств»¹. Текущий конфликт был *возможен* и трагически воплотился в реальности через «отрицание» должного вследствие консолидированного отказа Запада от признания за Россией права на конституционную идентичность.

Разумеется, наука права не должна ограничиваться общими обоснованиями актуализации конституционной идентичности. В практико-ориентированном отношении ее соучастие в легитимной национальной модернизации может принимать разнообразные формы. Стратегия и конкретные усилия публичной власти по укреплению безопасности, обороноспособности, духовно-культурного и социально-экономического иммунитета страны будут находить воплощение в нормативных актах разной направленности и степени встречного («нейтрализующего») напряжения по отношению к внешним вызовам неправомерного и противоправного. Многие из таких актов имеют эволюционную предысторию. Например, узко-предметная, казалось бы, инновация единого налогового платежа² выражает интенцию качественного умаления бюрократических тягот фискально-экономического администрирования, позволяя хозяйствующим субъектам значительно снизить непроизводственные издержки и, соответственно, повысить общую рентабельность «народно-хозяйственного комплекса». В решении этом нет ничего, что входило бы в существенное противоречие с доктринально-нормативными конструкциями конституционной налоговой обязанности или форматом конституционной дискреции законодателя.

Другой уровень — решения о «параллельном импорте», протекционистских налоговых и трудовых режимах для IT-специалистов или «сенсационное» реформирование порядка расчетов по экспортным

¹ См.: Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 258–259.

² См.: Федеральный закон от 29 ноября 2021 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401500/?ysclid=1589uub8aa193846363 (дата обращения: 29.04.2022) ; Законопроект № 46702-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8> (дата обращения: 29.04.2022).

природно-ресурсным контрактам и т. п. Здесь Россия вынужденно идет по пути асимметричного отказа от канонов и аксиом, выработанных в западной традиции права и получивших национально-конституционную «сертификацию». Очевидно, что легитимация подобных новаций требует углубленного доктринального анализа. Предварительно обоснованным (состоятельным) видится, в частности, алгоритм перманентной конституционной актуализации принципа правомерности действий в состояниях необходимой обороны и крайней необходимости.

Учитывая профильные отраслевые наработки и пользуясь конституционной аналогией, законодатель вправе рассчитывать при этом на такую поддержку ученых-специалистов, которая будет воплощать логику и онтологию конституционного правопонимания, а значит, и актуального выдвижения любви к Родине на первый план в иерархии конституционных ценностей. Вместе с тем, сохраняя конституционную идентичность, Россия не должна переходить внутринациональные «красные линии», вводить такие «новые стандарты» конституционности, которые умаляли бы ее приверженность принципу верховенства права, включающего неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина.